

ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ВОСПРИЯТИЕ СООБЩЕСТВА: ВОПРОС О ГРАНИЦАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Сообщество, его восприятие и понимание составляют один из элементов или один из аспектов формирования общества. Фундаментом создания сообщества как такового является процесс установления в его основе широко понимаемой безопасности. Границы безопасности, ее объем и смысловое содержание определяют границы сообщества. Изменения в этой сфере являются своего рода смысловой революцией, следствием которой может быть трансформация понимания сообщества как такового. Эта особая «революция» заключается в мышлении о власти и ее восприятии. Власть в современной действительности перестает легитимировать правителя, а вместе с ним и правление и превращается в инструмент управления. Таким образом, как указывает Фуко, возникает современное общество со специфической технологией и структурами власти — «общество, основанное на безопасности», границы которого определяются внутренней динамикой социального бытия и свободой его отдельных членов.

Ключевые слова: власть, контроль, безопасность, установление безопасности, сообщество, комьюнити.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.004

Автор

Анна Куркевич

Профессор Факультета социальных исследований
Высшей Школы Безопасности
(Познань, Польша)

Вместо вступления

Сообщество, его восприятие и понимание составляют один из элементов или один из аспектов формирования общества. Основой создания сообщества как такового является процесс установления в его основе широко понимаемой безопасности. Границы безопасности, ее объем и смысловое содержание определяют границы сообщества. Мишель Фуко рассматривает процесс установления безопасности как элемент структуры власти и механизмов ее функционирования, подчеркивая процесс отделения такой безопасности от дисциплинарных механизмов. Трансформации в этой сфере — своего рода смысловая рево-

люция, следствием которой является изменение понимания сообщества как такового.

Сообщество как коммуникация и объединение

В тот момент, когда мы начинаем обсуждать сообщество, когда оно начинает возникать перед нами как некое бытие или структура, мы сталкиваемся с сетью специфических отношений или связей, или, согласно немецкому социологу и философу Фердинанду Тоннису, с отношениями взаимного утверждения. Каждое отношение представляет собой единство во множестве или множество в единстве. Все это заключается во

взаимных актах поддержки, облегчения, помощи как признака воли и ее силы. Мы называем группу, созданную посредством такого позитивного отношения, понимаемую как сущность или вещь с согласованным внутренним и внешним функционированием, взаимосвязью. Отношение как таковое, как и взаимосвязь, понимается или как реальная органическая жизнь, соответствующая сущности сообщества (Gemeinschaft — «сообщество» с немец.), или как идеальное и механическое творение, соответствующее понятию ассоциации (Gesellschaft — «общество» с немец.) [11. — С. 181]. Чертами сообщества будут тогда близость, интимность, своего рода фамильярность между его членами. Ассоциация, в свою очередь, есть искусственное создание, в котором господствует чуждость и которое подчинено навязанным извне правилам. «Сообщество — это длительная форма сосуществования, в то время как ассоциация — только временная форма. В соответствии с этим мы должны понимать сообщество как живой организм, а ассоциацию — как механическую совокупность, артефакт [11. — С. 182].

Жизнь сообщества сосредотачивается вокруг идеи общего блага. Отдельные члены сообщества не только совместно творят, но и извлекают выгоду из общего блага, добиваются этого блага. Жизнь общины концентрируется также вокруг определенного пространства, в котором расположены «дом» и «поле». Динамика сообщества основана на естественных связях между выделенными элементами. Их специфический реляционный характер (порядок и иерархия) выражается в рациональности сообщества. Ф. Тоннис подчеркивает, что «человеческое сообщество — это рациональное сообщество» [11. — С. 184]. То, что определяет сообщество, есть единство его отдельных элементов, его членов, что связано с пониманием общности как особого целого. Векторы веса направлены здесь

к центру единства, унификации. «Члены сообщества остаются связанными, несмотря на обособленность, члены ассоциации остаются по отдельности, несмотря на связи» [11. — С. 186]. Как сообщество, так и ассоциация подчинены специфическим властным отношениям. В первом случае власть возникает из отношений между отдельными членами сообщества и выражается в их действиях, во втором случае власть остается вдалеке от действий отдельных членов ассоциации или от сообщества, производящего определенные отношения и структуры связей. Важно подчеркнуть, что, несмотря на обособленность во втором случае, возникает необходимость проявления объединяющей воли — социальной воли как основы сосуществования и совместной деятельности [3. — С. 16]. Именно единство сообщества, или, в более широком смысле, социальных кругов, выражается в их безопасности. Другими словами, становится гарантией, определяющей в то же время пределы комьюнити.

Энтони Гидденс также ссылается на понимание общества как системы взаимосвязанных элементов [5. — С. 208], подчеркивая, что природа общества сложна и не может быть упрощена или уменьшена. Согласно мнению ученого, главное, что отличает общество как сущность, — это специфический комплекс взаимодействий между его отдельными элементами, в том числе власть, трактуемая как особенность общества или сообщества [3. — С. 54]. Установление власти, а также системы институтов, организующих жизнь общества, превращает его в особую систему. «Каждое общество является одновременно и социальной системой, и продуктом переплетения сложных систем. Эти сложные системы или являются элементами данного общества, или перерезают границы нескольких обществ, обеспечивая, таким образом, многочисленные связи между социальными единицами и межсо-

циальными системами» [5. — С. 209]. То, что объединяет выделенные элементы структуры, — это специфическая система доминирования, то есть система, основанная на отношениях власти и подчинения, что выражается в специфической институциональности общества как такового. Существование институтов, или, скорее, как подчеркивает Гидденс, «пучков институтов», «является первой и самой основной чертой общества» [5. — С. 209]. Институционализм, как подчеркивалось, выражается в специфических отношениях и механизмах власти.

Понятие власти, наряду с институтом, является одним из ключевых слов для понимания общества и сообщества. «Существование власти предполагает структуры господства, через которые власть как бы незримо действует в процессах общественного воспроизводства» [5. — С. 307]. Специфические системы власти, таким образом, непосредственно связаны с механизмами социального контроля во временной и пространственной перспективе, что согласно Гидденсу отражается в ресурсах структуры господства, таких как распределение и власть. Ресурсы распределения включают: «1. Особенности материальной среды (сырье, источники энергии); 2. Средства материального производства и воспроизводства (орудия труда, технологии); 3. Производимые товары (артефакты, созданные в результате взаимодействия 1 и 2)»; к ресурсам власти, в свою очередь, относятся: «1. Социальная пространственно-временная организация социального (пространственно-временное создание путей и регионов); 2. Производства и воспроизводства органа (организация и взаимоотношения людей, в ассоциациях); 3. Организация жизненных шансов (возможности самостоятельного творчества и самовыражения)» [5. — С. 308]. Оба вида ресурсов определяют экспансивный потенциал власти, расширение ее масштабов и влияния. Одним из инструментов власти здесь является

память, возникающая в результате «хранения ресурсов распределения и ресурсов власти» [5. — С. 309]. Хранение ресурсов напрямую связано с контролем знаний и информации.

Обращение к записям памяти означает в то же время ее использование для проецирования моделей будущего и, таким образом, для усиления власти [5. — С. 309; 10. — С. 110–113]. Усиление власти, в свою очередь, непосредственно связано с построением и поддержанием безопасности — как гарантии власти (ее поддержания).

Механизмы власти и структуры безопасности

Мишель Фуко проводит анализ понятия безопасности, начиная в своих размышлениях с ключевого вопроса: «Что стоит за понятием “безопасность”?» [3. — С. 26]. Отправной точкой для такой постановки вопроса является для Фуко различие трех механизмов: юридического механизма, дисциплинарного механизма и механизма безопасности (структур безопасности). Третий из выделенных механизмов — это тот, который нас особенно заинтересует. Он основан на «распределении вещей и механизмах власти», отличных от двух первых [3. — С. 29]. При этом философ подчеркивает, что ни один из механизмов не отменяет других. Они скорее сливаются друг с другом на основе «смены доминанты или способа соотношения механизмов...» [3. — С. 31]. Мы здесь не имеем дело с простой преемственностью — от права, через дисциплину, к безопасности. Безопасность — это скорее наряду со специфическими для нее механизмами способ расширения и перемещения старого аппарата права и дисциплины. Речь идет о появлении технологии безопасности в основе механизмов, которые либо являются механизмами социального контроля (как в случае с системой наказания), либо связаны с модификациями биологической судь-

бы нашего вида [3. — С. 34]. Таким образом, экономика власти превращается в технологию безопасности [3. — С. 34].

Фуко обращает внимание на несколько отличительных черт безопасности: пространство, отношение к случайным событиям, специфическую форму нормализации и, прежде всего, обращение к тому, что описывается как население [3. — С. 34–35]. Пространство здесь будет обусловлено границами территории, населенной конкретными людьми, — общиной. Ханна Арендт, анализируя аналогические отношения власти и пространства, пишет: «Пространство призвано к существованию везде, где людей объединяют действия и речь, таким образом, оно временно и причинно предшествует как всем формальным установлениям общественного достояния, так и различным формам правления, то есть различным формам организации общественного пространства» [1. — С. 218]. Пространство, призванное к существованию силой человеческой деятельности, исчезает в тот момент, когда люди расходятся, когда растворяются социальные структуры и специфические формы власти.

Однако в зависимости от вида предполагаемого и функционирующего механизма власти пространство также будет трактоваться, помимо этого связующего понимания (выделенного Фуко), по-разному. Юридические механизмы, характеризующие суверенную власть, упорядочивают пространство путем определения векторов, нацеленных на ее установленный центр, точку концентрации (штаб-квартиру) власти. В случае механизмов, основанных на дисциплине, пространство трактуется как «пустое или пустынное» [3. — С. 44]. Дисциплина — это то, что заполняет пустоту порядком, построенным для нужд экономики, упорядочение одних элементов с другими, то, что приобретает форму иерархической структуры. «Замкнутое, раздробленное, контролируемое в каждой точке, пространстве <...> где власть осуществляется нераз-

дельно в соответствии с ее иерархическим образом, где каждый индивид всегда отмечен, изучен и включен в жизнь, боль или смерть, — пространство составляет целостную модель дисциплинарной структуры» [4. — С. 193]. В таком организованном пространстве человеческая деятельность подвергается постоянному контролю, постоянно сочетая центр (точку исполнительной власти) с периферией (местами расположения и деятельности отдельных индивидов). Другими словами, пространство подвергается измельчению — разделению. Оно выделяет каждому определенное, контролируемое место [4. — С. 138]. Чтобы представить себе этот тип структуры власти, автор книги «Надзирать и наказывать» обращается к модели Бенгата — к понятию паноптикума — тюрьмы, где контроль посредством наблюдения должен был стать основой дисциплины [2. — С. 44]. Фуко пишет: «Паноптикум функционирует как своего рода лаборатория власти» [4. — С. 199]. Власть, расширяя орудие контроля, присваивает себе всю реальность, она становится «вездесущей», «видимой» в каждом математически рассчитанном и выбранном участке пространства, которое она охватывает. «Механизм Паноптикума создает пространственные целые, которые позволяют постоянно наблюдать и сразу узнавать все необходимое» [4. — С. 195; 6. — С. 71–75].

В случае механизмов, основанных на безопасности, пространство понимается как специфическая непустая данность, которая подвергается не упорядочиванию, а подчеркиванию своего положительного потенциала, минимизации того, что трактуется как негативное или опасное. Другими словами, дисциплина имеет центростремительный характер, а безопасность — центробежный. «Дисциплина концентрирует, централизует, замыкает. Ее первичным жестом является определение области, где ее власть, механизмы власти управляют без огра-

ничений. <...> Структуры безопасности <...> имеют постоянную тенденцию к расширению, центробежную тенденцию. Постоянно присоединяются новые элементы...» [З. — С. 67]. Существенным понятием здесь является понятие циркуляции, обмена отдельных элементов пространства. Как подчеркивает Фуко, «мы можем говорить здесь <...> о технике, направленной на проблему безопасности, то есть в основном о серии. Здесь мы имеем дело с неопределенным рядом подвижных элементов, с циркуляцией <...>. Для механизма безопасности характерно именно управление такого рода рядами, которые могут управляться только на основе правил вероятности» [З. — С. 45]. Кроме того, ключевыми понятиями, по-видимому, являются «время и случайность», а также уже упоминавшееся понятие «население». «Безопасность в основном связана с населением, то есть с коллективностью, состоящей из индивидов, которые существуют и живут, биологически привязаны к окружающим их материальным условиям» [З. — С. 46]. Механизм безопасности вовлекает население в сеть механизмов, происходящих вокруг, предпринимая в то же время попытки определить отношения, происходящие между ними [З. — С. 46-47]. Из этого вытекает некое понимание и более раннего понятия «среда». Среда, понимаемая культурно и исторически, становится «пространством вмешательства власти» [З. — С. 47], своего рода проектом, местом создания некой инженерии власти.

Главное, что отличает судебно-дисциплинарный механизм от механизма безопасности, — это своеобразное отношение к окружающей действительности, понимаемое в категориях среды. В случае власти, черпаемой из безопасности реальности, это элемент, который завоевывается через структуры безопасности. Подчеркнем: он завоевывается, а не подавляется или ограничен чем-либо [З. — С. 58]. Правовой или дисциплинарный поряд-

док упорядочивает реальность через устранение. Инструментом устранения является система запретов и наказов, а через них — сокращение и, наконец, устранение нежелательного. Реальность здесь не столько завоевывается, сколько даже создается, создаются желаемые состояния вещей, не дающие права на существование тем вещам, которые не входят в пределы нормы. Механизмы власти, основанные на безопасности, не запрещают (как в случае правовых систем), не приказывают (как в случае дисциплинарных систем), а регулируют встречающуюся реальность в ее естественной динамике. Это соотношение динамики реальности и попыток ее регулирования должно включать в себя еще один важный элемент — свободу отдельных членов сообщества, как элемент той реальности, о которой мы говорим. Как подчеркивает Фуко, «свобода есть не что иное, как корреляция процесса реализации структур безопасности» [З. — С. 71]. В местах, где нет свободы, отсутствуют и возможности, пространство для понятных структур безопасности, характеризующих современные общества. Для дисциплинарных механизмов характерен отказ от свободы или принятие спонтанной воли отдельных членов сообщества. Дисциплина через установленные нормы накладывает на реальность сеть моделей, подчиняя все ее элементы контролю. То, что не укладывается в модель, созданную для нужд власти, вытесняется за пределы принятой реальности. Первобытным здесь является не население и даже не реальность (или фактически ее модель), а норма. Мир в целом, мир человека, мир структур общества и инструментов власти измеряется нормой, способностью подчиняться норме [З. — С. 74–75]. Воля индивидов получает право голоса только в том случае, если она является волей подданных в соответствии с волей правителей, которая должна укреплять власть, поддерживать уверенность власти и в то

же время уверенность в правлении на определенной территории.

Динамика сообщества в экономике власти

В тех местах, где механизмы безопасности имеют голос, ранее установленные отношения и зависимости претерпевают трансформацию. Отношения, основанные на подчинении (подданных правителю, государю), превращаются в своего рода процессы, основанные на постоянных преобразованиях, или, как выражается Фуко, постоянном обращении: «Речь идет уже не о маркировке и сохранении территории, а об установлении и подчинении некоторых кругов контролю, об отличии хороших обращений от плохих, о причинении всего, что не стоит на своем месте, вызывая все, что остается в постоянном движении, устраняя при этом опасности этого обращения. Это уже не уверенность князя и его территории, а следовательно, безопасность для населения тех, кто им управляет» [3. — С. 84-85]. Население выступает здесь как «новый коллективный субъект», оказывающийся в то же время «политическим субъектом» [3. — С. 64]. Таким образом, оно становится частью нового понимания пространства, призванного к жизни вместе с ним. Эта особая реальность, измеряемая правилами обращения относительно свободного потока определенных товаров, услуг, информации или идей, вводит нас в область технологии власти, основанной на безопасности (структурах безопасности). Население не подчиняется простым механизмам нормализации, не становится частью системы дисциплинирования общества набором приказов и запретов, определяемых собственниками власти. Поскольку подданный постоянно подвергался контролю власти, а его право было в то же время силой подчинения правителю, население избегало всех ограничений, сдерживающих его динамику. Не от-

ношение управления — подчинения формирует здесь своеобразную экономию власти, а созданные возможности канализации выражения отдельных членов сообщества, координации и предвидения возможных каналов циркуляции или направления изменений и преобразований, происходящих внутри сообщества и его времени и пространства. Индивид становится здесь выразителем сообщества и одновременно его сотворцом. Автор книги «Надзирать и наказывать» подчеркивает: «Если мы говорим о населении, то возникает совершенно иной способ соединения коллективного и индивидуального, социального тела в целом с его разделением на элементы. Управление населением — это нечто совершенно иное, чем поддержание совершенной власти, охватывающей самые крошечные волокна индивидуального поведения. Мы имеем здесь дело, как мне кажется, с двумя различными видами экономии власти» [3. — С. 86]. Власть, понимаемая таким образом, формируя сферу политики, раскрывает ее так, что правление становится актом вызова к существованию не готового аппарата власти, а конкретных сфер человеческой деятельности как пространства для их возможной актуализации.

Таким образом, открытость будет определяющим фактором как общества, так и конкретного социального порядка [12]. Анализируя понятие населения, Фуко указывает на его отличительные аспекты, подчеркивая тот факт, что мы имеем дело не с простой суммой индивидов, населяющих определенную территорию, а скорее со сложной системой многих взаимно сочетающихся переменных и факторов, таких как моральные или религиозные ценности, материальные, климатические факторы, оборот различных видов товаров и услуг [12. — С. 90-91]. Механизмы контроля теряют здесь право бытия, население в принципе не подвержено дисциплине (навязыванию норм), «речь идет не о принуждении

подданных к подчинению воле государя, а о влиянии на ход дел, которые, казалось бы, имеют мало общего с населением, однако, влияют на него, если основываться на некоторых вычислениях, анализах и исследованиях» [12. — С. 92].

Население предполагает в качестве своего элемента, о чем мы уже упоминали, определенную динамику, не укладывающуюся в рамки узкой схемы или модели. Динамика населения, выраженная в постоянных колебаниях ее живой ткани, вытекает из предполагаемых и принимаемых как естественные индивидуальные стремлений и желаний отдельных индивидов — членов популяции. Желания, как подчеркивает философ, становятся «движущей силой населения», а из них вытекают конкретные направления действий и векторы изменений. Это происходит из-за того, что желания, связанные с тяготением индивидов к собственной выгоде, становятся элементом преобразований и развития всего населения: «...стихийная и регулируемая игра желаний производит эффекты, благотворные с точки зрения населения как такового» [12. — С. 93]. И дело не в том, чтобы «поставить плотину желанию или эгоизму в смысле любви к себе, а, наоборот, стимулировать этот эгоизм и желание таким образом, чтобы оно могло, должно было бы принести благотворные последствия» [12. — С. 94]. Это происходит потому, что желание создается, развивается и стремится к исполнению в обществе. Существование вместе с другими оказывается стимулятором человеческих желаний, его направленность становится частью динамики всей совокупности человеческих откликов. Таким образом, экономия власти включает в себя механизмы стимулирования человеческих страстей и вытекающих из них действий.

Жан-Люк Нэнси, проводя философскую вивисекцию сообщества, подчеркивает вслед за Батаем, что «развязывание страстей» означает

«разделение», «экспансию», «передачу» [8. — С. 46], иными словами, страсть рождается в стихии общения. Страсть здесь является формой выражения личности, ее реакцией на другого человека. «Присутствие другого не устанавливает границу, которая должна была бы препятствовать высвобождению «моих» страстей: напротив, только выставление их другому способно пробудить их» [8. — С. 46]. Сообщество пробуждает «страсти» или желания, превращаясь в ткань отношений, скрепленную страстью общения [8. — С. 30; 7. — С. 254].

Там, где существование сообщества подрывается или отрицается, одновременно появляется «страсть сообщества» [9. — С. 81]. Существование среди других является одним из конститутивных элементов человеческой идентичности. Человека в сосуществовании отличает особая черта, которую Ханна Арендт описала как способность «общаться с самим собой» в противоположность «общаться с чем-то» [1. — С. 194]. Человек создает общество с другими людьми через самовыражение или через выставление себя перед другими и по отношению к другим. Выражение видно в речи и деятельности — это то, что отличает человека от окружающей действительности и делает отличным от того, что в этой реальности живет. Эта особенность человека связана с тем, что Арендт называет инициативой. Рождение человека — это акт превращения его в часть окружающего мира, речь и деятельность делают человека частью мира других людей [1. — С. 194–195]. Человек, общаясь и предпринимая определенные действия, вместе с построением своей собственной идентичности одновременно создает общество и его идентичность. Человек, как индивид, становится своего рода актером на сцене социальных действий, актером и зрителем одновременно, проявляя инициативу и совершая акты индивидуального самовыражения. В то же время он наблюдает за деятельно-

стью других акторов — членов сотворенного сообщества, вступая с ними в различные взаимодействия.

Фуко, называя сообщество людей популяцией, говорит: «Популяция — это все, что простирается между полюсом биологического существования и общественной сферой, уязвимой для вмешательства. Здесь появляются многие виды новых явлений, все важные с точки зрения власти и ее механизмов, в рамках и на основе которых мы должны теперь действовать» [3. — С. 86]. Деятельности в этой сфере входит в сферу политики.

Ханна Арендт подчеркивает, что деятельность каждый раз является открытием актера и, таким образом, требует его публикации, воплощаясь на человеческой сцене [1. — С. 198]. Анализируя понятие деятельности, Арендт показывает его запутанность в контексте политики и власти, а именно в отношении управления и подчинения, отдачи приказов и их выполнения. Обращаясь к латинской и греческой этимологии этого понятия, автор книги «*Vita activa*, или О деятельной жизни» указывает, что деятельность здесь раскололась, имея в виду, с одной стороны, такие значения, как «направляющий», «ведущий», «управляющий» (гр. *archein*, лат. *agere*), с другой стороны, «делать», «завершать», «нести», «поддерживать» (гр. *prattein*, лат. *gerere*), и вследствие этого: «...первичная взаимная зависимость того, кто начинает и ведет, от помощи других, и зависимость его товарищей от него, если мы имеем дело с созданием повода для деятельности, распалась на две совершенно разные функции: функцию отдачи приказов, ставшую привилегией правителя, и функцию их выполнения, ставшую обязанностью его подчиненных» [1. — С. 208]. В то же время Арендт подчеркивает, что природа человеческой деятельности как таковой выходит за установленные человеком границы, что накладывается на «хрупкость человеческого состояния», неустойчивость

созданных человеком институтов и законов [1. — С. 210]. «Абсолютность деятельности — это лишь другая сторона его мощной способности создавать связи, то есть его специфическая продуктивность; <...> Правда состоит в том, что разделения и границы, с которыми мы сталкиваемся в каждом политическом органе, могут предложить некоторую защиту от абсолютности, включенной в деятельность, но они совершенно беспомощны, если мы говорим о компенсации другой его очень характерной черты: непредсказуемости, присутствующей в деятельности» [1. — С. 210]. Таким образом, деятельность, все ее векторы, являющиеся движущей силой развития истории вместе с их последствиями, в полной мере видны только с точки зрения исторического времени, то есть после завершения деятельности, после сошествия со сцены (смерти) всех действующих лиц.

Эта специфическая динамика сообществ, основой которых становится специфический политический механизм, с одной стороны, открывает поле для человеческой деятельности, с другой — подвергает сообщество риску потерять власть. «То, что сначала подрывает, а затем убивает политические сообщества, — это потеря власти и окончательный упадок; власть нельзя хранить, держать в запасе в случае крайней необходимости, как это могут делать орудия насилия, она существует только тогда, когда реализуется» [1. — С. 219]. Власть функционирует до тех пор, пока люди занимаются общей деятельностью, связанной определенным пространством и временем. Поэтому природа власти остается динамичной. Власть — это то, что обеспечивает и поддерживает определенный социальный порядок и одновременно открывает пространство политичности для выражения, присущего отдельным индивидам — членам общества. Таким образом, господство трансформируется в механизмы, основанные на управлении.

Фуко подчеркивает особую «революцию» в мышлении о власти и ее восприятии, власть в современной действительности перестает быть тем, что легитимирует правителя, а вместе с ним и правление, и превращается в инструмент управления. «Речь идет именно о том, чтобы перевернуть соотношение между правлением и управлением, и о том, что управление становится проб-

лемой современной политики...» [З. — С. 97]. Таким образом, как указывает автор книги «Надзирать и наказывать», возникает современное общество со специфической технологией и структурами власти — «общество, основанное на безопасности» [З. — С. 34], границы которого определяются внутренней динамикой социального бытия и свободой его отдельных членов.

Библиография

1. Arendt, H. 2000. *Kondycja ludzka*, transl. into Polish. A. Łagodzka. Aletheia Press. Warsaw.
2. Bentham, J. 1791. *Panoptikon*. Dublin.
3. Foucault, M. 2014. *Bezpieczeństwo, terytorium, populacja*, transl. into Polish M. Herer. PWN Press. Warsaw.
4. Foucault, M. 2009. *Nadzorować i karać. Narodziny więzienia*, transl. into Polish T. Komendant, Aletheia Press. Warsaw.
5. Giddens, A. 2003. *Stanowienie społeczeństwa. Zarys teorii strukturacji*, transl. into Polish S. Amsterdamski. Zysk i S-ka Press. Warsaw.
6. Herer, M. 2000. *Michela Foucaulta wizja współczesności. Wiedza, władza i gry prawdy*. PWN Press. Warsaw.
7. Kwietniewska, M. 2013. *Jean-Luc Nancy. Dekonstrukcja wobec tradycji*. University of Łódź Press. Łódź.
8. Nancy, J.-L. 2010. *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish T. Załuski, [in:], *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski. Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.
9. Nancy, J.-L. 2010. *Przerwany Mit*, transl. into Polish M. Gusin, [in:] *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski. Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.
10. Ricoeur, P. 2012. *Pamięć, historia, zapomnienie*, transl. into Polish J. Margański. Universitas Press. Kraków.
11. Tönnies, F. 2008. *Wspólnota i stowarzyszenie. Rozprawa o komunizmie i socjalizmie jako empirycznych formach kultury*, [in:] *Klasyczne teorie socjologiczne. Wybór tekstów*, P. Śpiewak (ed.). PWN Press. Warsaw.
12. Załuski, T. 2010. *Od dzięła do rozdzielania. Filozofia i to, co polityczne*, [in:] *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski, Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.

**Перевод статьи с английского на русский осуществила
Анастасия Матюсова, аспирантка факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

